

Э. А. Гордиенко

Новгородское храмовое зодчество конца XI — начала XII в. в контексте социальных отношений

В истории новгородского храмового строительства почти отсутствуют лакуны, что в большинстве случаев освобождает исследователя от необходимости построения предполагаемых хронологических или атрибуционных реконструкций. Каждый памятник занимает свою строку в летописных статьях, датирован, снабжен информацией о ктиторе и других участниках сооружения.

Вместе с тем архитектурная тема древнего Новгорода имеет обширную библиографию, представленную в трудах выдающихся отечественных ученых: историков, археологов, реставраторов, искусствоведов. Большое значение в изучении данной темы имеют также вышедшие почти одновременно два словаря, один из которых дает широкую картину истории и культуры Новгорода IX–XVII вв., другой, следуя обозначенной цели, сосредоточен на истории реставрации памятников новгородского зодчества¹.

С конца XI и до начала XIII в. новгородское храмовое зодчество прошло долгий путь от величественных княжеских и монастырских соборов до четырехстолпной приходской церкви. В кратком обзоре это неторопливое и последовательное развитие может быть представлено упрощенно. Но и в стремительном продвижении сквозь столетия в отношениях мира и человека с зодчеством открывается историческая зависимость всех сторон и связей. Движение мысли находится в постоянном процессе накопления, познания и преобразования опыта в новых конструктивных формах и образных воплощениях. Перефразируя известное выражение, можно повторить, что всё значительное, о чем

размышлял человек, он запечатлел в камне. В каменном олицетворении слова отразилась мысль о Боге и мироздании, и сотворенное зодчим и заказчиком здание представляло овеществленным символом, в котором раскрывались причины, начало и последовательность воплощения замысла.

Первый деревянный тринадцатиглавый храм св. Софии, поставленный в 989 г. первым епископом Иоакимом², не стал духовным центром города. В среде языческого многобожия продвижение веры шло медленно, и только в 1045–1050/52 гг. повелением Ярослава Мудрого при князе Владимире Ярославиче и втором епископе Луке на месте сгоревшей деревянной церкви был возведен каменный Софийский собор³. Однако и пятиглавый храм долго не был наполнен прихожанами, в большинстве своем остававшимися язычниками. Ситуация в городе была непростой. В 1071 г. волхв «прельстил» против епископа Федора едва ли не весь город, а за князем Глебом, жестоко подавившим мятеж, стояла только его дружина⁴. Волхвования тогда прошли от Белозерска по всему северо-западу⁵.

В 1096/97 г. на новгородский стол второй раз вступил князь Мстислав Владимирович и занимал его в течение двадцати лет с небольшим перерывом — до 1117 г.⁶ Мстислав становится первым защитником церкви, учредителем общественного права и покровителем всех горожан. Развернувшееся тогда храмовое строительство открывает следующую страницу в новгородской христианской истории.

С конца XI и до начала XIII в. старшие Мономаховичи-Мстиславичи оставались бесспорными лидерами на новгородском престоле, и зодчество в полной мере отразило последовательность и противоречия трех периодов их правления. Большие соборы времени Мстислава и Всеволода стали воплощением ведущей роли князя в социальной политике и духовной культуре до 1136 г.⁷ Грекофильские настроения епископа Нифонта (1130–1156) сказались в необычных формах его храмов, возведенных в Пскове и Ладогe⁸. В середине XII в. преобладающее влияние церковной власти определило начало монастырского строительства⁹. В конце столетия была сделана попытка вернуться к образам первого периода правления Мстиславичей¹⁰, но уже в начале XIII в. старая традиция прерывается, и недолгое пребывание на новгородском столе прямых потомков старших Мономаховичей, смоленских князей Святослава Мстиславича (1218–1219) и Всеволода Мстиславича (1219–1221) отмечается возникновением нового башнеобразного храма с притворами¹¹, не оставившего, однако, следов в истории новгородского зодчества.

Храмовое строительство, прерванное на полстолетия после завершения Софийского собора, возобновилось с вокняжением в Новгороде Мстислава Владимировича (1088–1094; 1096–1117)¹². В 1099 г. Мстислав заложил церковь Благовещения на Городище¹³, где уже стояли деревянные церкви особо почитаемого Мономаховичами святителя Николы и не менее чтимых ими святых врачей Космы и Дамиана¹⁴.

Новгородская первая летопись информирует о закладке Благовещенского храма в 1103 г.¹⁵, и в этом, на первый взгляд, противоречии источников отражается четырехлетний период строительства, закономерный для возведения большого храма. В летописи Авраамки возведение храма датировано 1102 г., что объяснимо хронологическим разночтением, а продолжение статьи: «...и украси его, отъиде»¹⁶, — может свидетельствовать о работах по дальнейшему оснащению храма, завершившихся, вероятно, к уходу князя в 1117 г. Князь обновил обветшавшую загородную резиденцию¹⁷, определил границы родового гнезда¹⁸, где когда-то жила его мать Гида, и где в 1076 г., возможно, родился он. Тогда же на Городище формируется княжеский архив, возникновение которого совпало с созданием княжеского административного центра¹⁹. В этой целенаправленной деятельности Мстислава выразилось желание упрочить свою позицию и заявить о себе как о полноправном лице в системе утвердившегося к тому времени двоевластия²⁰. Вместе с тем удаленная от города церковь Благовещения предназначалась для княжеской семьи, дружины и придворных, среди которых могли быть зодчие, книжники, писцы и живописцы. Этот избранный круг людей, несмотря на уже вполне определившиеся к середине XI в. локальные черты художественной культуры, стал носителем киевского начала в искусстве, отмеченного в свою очередь византийским влиянием, что в полной мере проявилось в архитектуре, живописи и книжном оснащении Благовещенской церкви²¹.

В 1966–1970 гг. М. К. Каргер вскрыл остатки здания XII в. Тогда обнаружилась западная половина церкви с примыкавшей к северо-западному углу квадратной башней, вся южная стена, западная пара подкупольных крестчатых столбов и фрагмент центральной апсиды. Частично сохранились ленточные фундаменты из валунов на цемяночном растворе, кладка стен представляла собой чередующиеся ряды камня и плинфы, на фасадах башни в нижних частях выявились следы двухступчатых ниш²².

В плановом решении Благовещенский храм во многом следовал киевским храмам Архангела Михаила в Выдубицком монастыре (1070–1088) и Успения Богородицы в Печерском монастыре (1073)²³. Несмотря на отрывочность сведений о первых храмах Владимира Мономаха, есть основания видеть в новгородской церкви Благовещения на Городище продолжение киевской архитектурной традиции, которая в дальнейшем выразится в идентичных формах Михаило-Златоверхого монастыря, построенного теми же мастерами между возведением Благовещенской церкви и Николо-Дворищенского собора²⁴. Однако Г. М. Штендер замечает: «...в новгородском зодчестве мы уже не увидим ритмической активности и элегантной аристократичности форм Успенского собора Киево-Печерской лавры, развитого декора Михайловского собора Выдубицкого монастыря, легкости и бестелесности форм церкви Спаса на Берестове... и позднее многие киевские черты превратятся в знаковую систему, лишь отдаленно указывающую на первоисточник»²⁵.

В Новгороде в это время работал мастер Петр, с именем которого исследователи связывают и строительство храма на Городище. П. А. Раппопорт полагал, что, возможно, церковь Благовещения имела одну главу²⁶. Наличие лестничной башни и хоров над нартексом позволяет предположить существование трех глав. Такому принципу распределения света последовал и мастер Петр, строитель трехглавого Георгиевского собора (1119–1130) в княжеском Юрьевом монастыре²⁷. Церковь Благовещения была богато украшена. Пол храма был выложен поливными керамическими плитками разных размеров. Найденные археологами в 1934, 1966–1970, 2000 и 2015 гг. фрагменты штукатурки с остатками росписи выдают руку большого мастера начала XII в.²⁸ На предалтарных столбах располагались иконы и среди них — храмовый образ «Благовещения», возможно, с фигурой святого Феодора Тирона, патрона князя Мстислава Владимировича²⁹.

Но главным сокровищем храма служило исполненное по заказу Мстислава Владимировича между 1106–1117 гг. Евангелие³⁰. Известно имя писца Алексы Лазаревича и художника-златописца Жадена. Л. П. Жуковская полагает, что кроме Алексы был и второй, анонимный писец, и оба они, судя по лингвистическим особенностям рукописи, были киевлянами, нашедшими пристанище при дворе князя Мстислава. Сразу после написания книги тиун Наслав отправился в Константинополь, где был изготовлен драгоценный оклад с перегородчатыми эмальями, цену которому, как сказано в надписи, «един Бог ведает»³¹. Сохранившиеся на окладе две византийские дробницы свидетельствуют о состоявшемся путешествии Наслава³². Четыре миниатюры с изображением евангелистов Иоанна с Прохором, Матфея, Марка и Луки, возможно, были написаны новгородцем и представляют собой древнейший пример становления местной живописной традиции³³.

Возведение большого храма в собственной резиденции всё же отдаляло князя от новгородского общества. Но только спустя десять лет после основания церкви Благовещения на Городище, в 1113 г. Мстислав, которому к тому времени исполнилось 37 лет, начинает строительство Никольского собора на Ярославовом дворище, в центре экономической и политической жизни города³⁴. Год завершения храма неизвестен, скорее всего, оно состоялось не позднее 1117 г., когда князь по призыву Владимира Мономаха оставил Новгород³⁵. И вновь четыре года определяют, возможно, заданный Мстиславом период строительства.

Входя в пределы городской территории, учитывая действительное соотношение сил, Мстислав еще более внятно заявлял о себе как о первом лице думвирата князь–посадник³⁶. Вместе с тем в помыслах князя не было и не могло быть вызова обществу, ибо само по себе такое миротворческое деяние, как сооружение храма, было благородным и благодарным приношением Новгороду³⁷. Это намерение со всей очевидностью отразилось в преодолении традиции киевского зодчества и декларативном принятии образных и конструктивных принципов местной архитектуры.

По общему мнению, собор строил тот же мастер Петр³⁸. Но на этот раз в замысел князя входило политическое «освоение» городской территории, что и определило задачу зодчего, состоявшую в приближении нового храма к облику Софии³⁹. К высоте древнего храма стремится воспринимаемое от него пятиглавие, формируются пропорции здания, несвойственные киевской школе, традициям которой прежде следовал мастер. Поднявшись на 10,8 м, хоры расположились там, где в киевских храмах уже завершались своды. Это повышение повлекло за собой необходимость заполнить большой массив стен между двумя рядами окон ярусом декоративных двухступчатых ниш⁴⁰. Удлиненные вертикали определили высоту внутреннего пространства, в котором «при меньшей ширине нефов толщина стен и столбов была приравнена к размерам Софии». Не находят примеров в киевских храмах и парные окна в двух уровнях на северном и южном фасадах, в горизонтальной композиции которых, как и в Софии, подчеркивалась «мерность опоясывающего храм движения рядов окон, ниш, самих прясел»⁴¹. Ряды двухступчатых, украшенных росписью ниш, плоские лопатки стен, расписанные под кладку полукружия закомар и проемов, отсутствие четвертей и полуколонок на барабанах куполов станут собственными признаками новгородской архитектуры⁴².

Как писал Г. М. Штендер, «София как образец с самого начала задала структурно-композиционный тон, а зачастую и архитектурную стилистику на несколько столетий вперед»⁴³. Воспринимая многие конструктивные принципы Софийского собора, князь и зодчий демонстрировали причастность к понятиям, образам, обычаям и нравам города, ставшего своим. Зодчий Петр, очевидно, провел не один день в Софийском соборе, изучая и постигая замысел ее создателя. Не он ли оставил на его стене своеобразную молитву о свершении своих замыслов, изобразив трехглавый храм с надписью поверху «ПЕТР»?⁴⁴ Перенимая принципы новгородской архитектуры XI в., князь и следовавший его воле зодчий «приживляли» на ее древнем корне формы, характер которых отражал изменения в расстановке сил в социально-политической жизни.

В этом контексте должно быть рассмотрено отсутствие лестничного хода на хоры, важного конструктивного элемента ранней киевской и новгородской архитектуры. В Никольском соборе переход осуществлялся со второго яруса нартекса через дверной проем на южном прясле западной стены и вел не в храм, а в княжескую палату, располагавшуюся с южной стороны собора⁴⁵. В 2007 г. с этой же стороны были открыты валунные фундаменты древней постройки⁴⁶. Не являются ли они частью княжеского дворца, возможно, представлявшего собой фрагмент архитектурного ансамбля, состоявшего из жилого терема и примыкавших к нему сооружений княжеского двора, соединявшихся переходами с собором?⁴⁷ Это мог быть ансамбль, подобный тому, который князь Андрей в своем Боголюбове строил с 1158 г. до конца своих дней⁴⁸. На Ярославовом дворище именно эта территория была аккуратно обойдена археологами, и все раскопы 1930–1940-х гг. расположились вокруг того места, где свободно

разместилось бы большое здание с хозяйственными постройками и развитой сетью водоотводов⁴⁹.

В подобной структуре зданий неясна богослужбная функция хоров, изолированных от внутреннего церковного пространства. В настоящее время принято суждение, что во время службы князь с дружиной и семьей находился на хорах, где перед ними открывалось божественное пространство и сами они являли собой величие и божественное происхождение царской власти⁵⁰.

Между тем, согласно придворному уставу Константина Багрянородного (913–959), в великие господские праздники император во время литургии находился близ алтаря в нижнем мутатории, располагавшемся в юго-восточной части Софийского собора. Опустив многие подробности этого сложного священнодействия, во время которого царь должен был несколько раз переодеться, чтобы в разные периоды литургии в должном виде подойти к алтарю и священным дарам, можно представить, насколько церемониально сложной была роль императора в совершении литургии⁵¹.

Но если в Никольском соборе князь, его семья и дружина во время богослужения находились на хорах, то, чтобы принять участие в литургии по правилам церковного церемониала, они должны были вернуться во дворец и уже оттуда войти в храм, где довольно продолжительное время их ожидали клир и верующие.

В силу удаленности от алтаря хоры не были непосредственно включены в литургическое действие и выполняли функцию дополнительных помещений⁵². В Никольском соборе прямой ход во дворец означал, что эта часть храма была продолжением дворцовых апартаментов, принадлежавших князю. Там он слушал Евангелие и ектенью, когда не ходил к причастию⁵³. На хорах могли проходить важные приемы, заседания смешанного суда и духовного синклита, очевидно, здесь же помещалась канцелярия князя и книгохранилище.

Во время службы князь стоял рядом с горожанами. Мстислав как будто следовал завету своего отца, писавшего в Поучении к сыну: «Паче всего гордости не имейте в сердцах и в уме, но рцем: смертнии есмы, днесь живи, а завтра в гробъ; се все, чт[о] ны еси вдаль, не наше, но Твое, поручил ны еси на мало дни»⁵⁴.

Лестничный ход на хоры был устроен позднее, когда стало очевидно функциональное неудобство изолированных хоров, и, по примеру киевского храма Архангела Михаила Выдубицкого монастыря (1070), лестница была «вписана» в основное пространство. Возможно, это переустройство началось еще при Всеволоде Мстиславиче, но, скорее всего, завершилось в 1138 г. при черниговском князе Святославе Ольговиче, когда 5 декабря, после ремонта, предпринятого еще Всеволодом Мстиславичем⁵⁵, храм был освящен «великим священством» в канун зимнего дня святителя Николы, и князь Святослав вопреки воле епископа Нифонта венчался в соборе «своими попы»⁵⁶.

Особенностью Никольского собора была и маленькая часовня, видимо крещальня, в северо-западном углу нартекса⁵⁷. На ее восточной (алтарной) стене

устроены небольшие ниши для богослужебной утвари. Подобные устройства с апсидными завершениями имелись в киевских храмах, например в церкви Спаса на Берестове (конец XI — начало XII в.), в Успенском соборе Елецкого монастыря (1110–1120, где были обнаружены обломки купели), и позднее в Кирилловской церкви (1140–1146)⁵⁸.

Объявляя о приоритете княжеской власти, Мстислав выступал с позиции своего воинского служения. Еще в 1096/97 г. вместе с горожанами и новгородским воеводой Добрыней Рагуиловичем под стягом Владимира он отразил захватнический поход на Муром главного врага Мономаховичей, князя Олега Святославича⁵⁹. Тогда в битве на Кулачице погиб его брат Изяслав, похороненный в Софийском соборе, в аркосолии на северной стене Иоанно-Предтеченского придела⁶⁰.

Знаменитый поход состоялся в 1111 г. Инициатором был Владимир Мономах, убедивший великого князя не медлить и защитить от половцев смерда, его дом и семью. Поход возглавил Святополк Изяславич. Вместе с ними выступил и смоленский князь Давыд Святославич. Князья пришли со своими сыновьями⁶¹. Ипатьевская летопись не называет имени Владимировича. Был ли это старший сын Мономаха, в том же году ходивший с новгородцами на Очелу⁶², и мог ли Мстислав участвовать в двух битвах, даже если они следовали друг за другом в промежутке одного-двух месяцев и не были равны по значению? В Новгородской летописи в кратком, но исполненном сдержанной гордости рассказе о походе к Дону на Сугров и Шарукань названы имена только трех полководцев: Святополка, Владимира и Давыда⁶³. И если Мстислав не был на поле брани, значение этого события для русских людей было столь велико, что воспринималось всеми «как последняя схватка сил добра с прислужниками антихриста, как сугубое исполнение христианского долга»⁶⁴.

Одержатъ победу русским помог Бог и все силы небесные. После первого боя наутро было Благовещение, совпавшее с Лазаревой субботой⁶⁵, а на следующий день половцы выступили вновь, и в «лютой брани» враги падали перед стягом Владимира от невидимого ангельского меча. Победу в войне с половцами⁶⁶ современники сравнивали с ветхозаветным сражением Иисуса Навина, и, по словам летописца, великая слава о русских воинах дошла тогда «до Греков и Угром, и Ляхом, и Чехом, дондеже и до Рима»⁶⁷. И еще сто лет вспоминали этот поход, когда Владимир Мономах «пил золотом шеломом Дон» и погубил «поганые измаильтяне»⁶⁸. Не исключено, что в память об этом великом событии на восточном склоне светового проема между алтарем и диаконником в Никольском соборе появилось изображение воскресшего Лазаря, епископа Китийского, на день которого пришелся решающий перелом и состоялось победоносное завершение битвы.

Строительство Никольского собора обычно связывается с победой Мстислава над чудью на Бору в 1113 г. Но тот поход был одним из тех, что совершались периодически как рутинная мера против постоянных вылазок угро-фин-

ских племен⁶⁹. Едва ли один из них по своему значению мог стать причиной возведения грандиозного собора. И всё же небольшие военные кампании также были занесены в ратный список князя, в котором Никольский собор на Ярославовом дворище представлял собой универсальный образ храма воинской славы. Сооружение Никольского собора совпало с еще одним важным событием. 20 мая 1113 г., после солнечного и лунного затмений, смерти Святополка Изяславича, городского мятежа против тысяцкого Путяты и киевских иудеев Владимир Мономах взошел на великокняжеский киевский престол⁷⁰.

Строительный сезон открывался в Новгороде не позднее 21 мая, на праздник Константина и Елены. С его наступлением могли начать и возведение Никольского собора. 21 мая был заложен Софийский собор, поскольку храмовое созидание связывалось с именами основателей христианской церкви, наследниками которых считались и русские князья. Очевидно, не случайно в Ипатьевской летописи известия о вступлении Владимира Мономаха на престол и о закладке Никольского собора «у Торговища в Новгороде» следуют одно за другим⁷¹.

Посвящение собора связано также с семейным культом Николы. Как отметил еще М. Ф. Мурьянов, новгородский Никольский собор был древнейшим на Руси⁷², и одним из мотивов его создания могла быть память о матери Мстислава Гиде, положившей начало почитанию святителя Николы в Новгороде⁷³.

От первоначального убранства храма сохранилась круглая икона Святителя Николы, с которой связана легенда об исцелении князя. Поздние поновления иконы свидетельствуют о ее долгой жизни. Она служила храмовым образом и, видимо, помещалась в киоте на одном из предалтарных столбов. В конце XVI в. ее заменила другая круглая икона, также сильно поновленная⁷⁴.

В Никольском соборе уцелели фрагменты фресковой живописи XII в.⁷⁵ В алтаре видны следы святительского чина, в откосах некоторых окон орнаментальные обрамления. В нартексе сохранилась значительная часть композиции «Страшный Суд», куда входила и сцена «Иов на гноище», связываемая иногда с историей князей, либо Мстислава Владимировича, тяжело раненного на охоте, либо Всеволода Мстиславича, жизнь которого в Новгороде была исполнена испытаний⁷⁶. Но в нартексе, в западной части храма, в ожидании крещения стояли оглашенные и кающиеся грешники⁷⁷. Изображение многострадального Иова в данном случае находит полное соответствие с назначением этого отдела в храмовом пространстве.

Собственное участие Мстислава в строительстве Новгорода ограничивается этими деяниями. Но в монументальных, исполненных государственного значения творениях в полной мере осознается определяющая роль князя в формировании новгородского общества. Зодчество первой четверти XII в., как и другие виды искусства этого времени, носило жизнеутверждающий характер, и один из убедительных примеров такого восприятия представляет собой Никольский собор, в архитектуре которого княжеская идея нашла материализованное воплощение.

В ряду каменных сооружений первой четверти XII в. свое место занимает церковь Феодора Тирона, построенная при Мстиславе в 1115 г. в конце Щирковой и Розважей улиц неким Воигостом (в Никольском списке НІVЛ Вои Гостом)⁷⁸. Посвящение храма святому Феодору, покровителю князя Мстислава, следует рассматривать как жест уважения князю, с которым Воигост, богатый и влиятельный горожанин, сотрудничал, осваивая Софийскую сторону.

В архитектуре Федоровской церкви очевидны начальные признаки самостоятельного осмысления задачи, стоявшей перед зодчим. Территория храма между Розважей и Щирковой улицами примыкала к Неревскому концу⁷⁹. Расположение большого храма с лестничной дозорной башней в малоосвоенной северо-западной части города, вероятно, объясняется его оборонительной функцией, которую он должен был выполнять, прикрывая самую открытую и опасную сторону города. С высокой храмовой башни обозревалось пространство, откуда начиная с дерзких набегов Всеслава Брючиславича в 1066 и 1069 гг.⁸⁰ была велика угроза нападения на город.

К началу XII в. здесь было поле, где дислоцировалась княжеская сотня⁸¹ и должны были проходить учебные занятия⁸². Согласно реконструкции А. С. Хорошева, на смену древнейшим существовавшим на этом месте укреплениям в 1270 г. приходит линия окольного города, включившая в состав города район Загородья⁸³.

Церковь Феодора была первым четырехстолпным храмом с невыделенным нартексом, и это особенность также связана с его назначением. Западная часть не обособлялась от средней, собственно церкви, и собиравшееся в ней христианское общество составляло единое целое служителей, воинов и мирян⁸⁴. Четырехстолпный, трехапсидный храм на развилке Щирковой и Розважей улиц является древнейшим примером городского строительства, осуществлявшегося на деньги ктитора и уличан. В дальнейшем подобная практика в Новгороде станет обычной, но впервые эта инициатива принадлежала горожанину Воигосту. Вместе с тем князь не мог не посещать церковь своего покровителя Феодора Тирона, и здесь, как и в Никольском соборе, он присутствовал на службе как равный среди верующих.

Возобновленная в 1292–1294 гг. и основательно перестроенная в 1546 г.⁸⁵ церковь во многом утратила черты первоначального облика. Г. М. Штендер, основываясь на размере кирпичей и плинфы и на отсутствии ленточных фундаментов, не обнаруженных в двух сравнительно небольших шурфах, заложенных в 1974 г. с юго-восточной стороны южной апсиды и у северо-западного угла церкви, относил начальную дату ее сооружения к концу XII — началу XIII в.⁸⁶, когда строительство в Новгороде, ненадолго восприняв смоленско-полоцкую конструктивную систему, вскоре полностью остановилось. Между тем подтверждением летописной даты служит типичная для больших соборов лестничная башня, круглый фундамент которой был обнаружен в 1991 г. у юго-западного угла⁸⁷. Наличие башни свидетельствует о существовании хоров над

западным компартиментом, где, возможно, находилась ктиторская часовня (придел). Башня могла быть звонницей и выполнять также дозорную функцию. В. А. Булкин полагает, что башня, аналогичная круглой башне собора Антониева монастыря, и даже четырехстолпный план, подобный плану Рождественского собора на первом этапе его существования, «не исключают ранней датировки памятника»⁸⁸. Вероятно, и круглые западные столбы в верхнем ярусе храма сохранили первоначальную форму. В нижнем этаже они прямоугольные и значительно крупнее и, может быть, были укреплены в 1546 г. как несущие опоры междуэтажного свода.

Церковь Феодора, посвященная княжескому святому, игравшая роль своеобразного военного бастиона, не прервала княжеское строительство. Но с ее возведением обозначилась новая тенденция в новгородском зодчестве. Они существовали бок о бок, одна в большей степени отражала интересы князя, другая — местной коренной знати⁸⁹.

В 1117–1127 гг. на северной окраине города, на правом берегу Волхова Антоний Римлянин основал монастырь Рождества Богородицы. Летопись настолько пристально следит за возведением главного храма, его пристроек и созданием росписи, что создается впечатление особой важности событий, происходивших впервые⁹⁰. Существо их, может быть, раскрывается в духовной грамоте Антония⁹¹, заявившего о неприятии «имения» ни от князя, ни от епископа. Он говорит только о благословении от епископа Никиты, полученном, вероятно, еще до кончины владыки, и, следовательно, замысел создания монастырского храма возник значительно раньше его воплощения. В словах духовной грамоты, а также в образе и облике храма, в его росписи как будто выражено противопоставление княжескому заказу. Вместе с тем в нем нет враждебного противостояния, но лишь констатируется иной способ финансирования. Более того, мастера, исполнявшие волю Антония, скорее всего, ранее участвовали в возведении княжеских храмов. Но на этот раз заказчиком выступал человек, решивший построить здание в соответствии с требованиями монастырского храма, и тогда преодоление княжеского опыта стало неизбежно. Одним из образцов могла послужить и церковь Феодора, структура которой больше соответствовала требованиям уединенной обители.

Как отмечает А. И. Комеч, зодчий Антониевского собора вышел «за пределы прежнего социально-культурного круга, и новые идеи определили поиск новых форм»⁹². Новшества сказываются в характере внутреннего пространства, в организации которого на этот раз особенно выразительны восьмигранные западные столбы. Их компактный, замкнутый массив способствует созданию «однородного», не разделенного на отдельные ячейки пространства. Единство и равенство монашеской общины не было нарушено, но подобное впечатление, возможно, усиливалось еще и тем, что столбы были энергично отодвинуты к западу. Оставляя между стеной узкий проход, они расширяли пространство наоса как единый компартимент храмовой структуры.

Закладывая собор двумя годами позднее Федоровской церкви, Антоний мог ориентироваться на образ, отвечавший и его первоначальной цели. Последовавшие изменения были продиктованы насущной необходимостью монастырского обихода. В 1127 г. к завершеному храму, уже имевшему к тому времени с западной стороны оконные проемы, раскрытые в зондажах, проложенных Г. М. Штендером⁹³, была пристроена «трапезица»⁹⁴. Ранее нартекс как традиционная часть храма служил для пребывания в нем «оглашенных», непосвященных людей, готовящихся к крещению. В Рождественском соборе эта часть храма служила опорой для трапезицы на втором этаже, помещения для братского обеда⁹⁵. На северо-западном углу здания была сооружена круглая лестничная башня-колокольня с придельной церковью в верхней ее части⁹⁶.

Особенностью Антониевского собора является и структура высоких, отдаленных от основного пространства сводов. «Движение и структурность верха, — пишет А. И. Комеч, — теряют динамическую связь с зоной человека, которая оказывается гораздо более спокойной и созерцательной по своей эмоциональной выразительности». В этой разнице «верха и низа» исследователь видит первый пример структуры, характерной «впоследствии для всей архитектуры города»⁹⁷.

Последнее наблюдение весьма важно для понимания традиционного развития новгородского зодчества, хотя истоки высотных сводов, кажется, еще более глубоки. К такому выводу приводят исследования Софийского собора самого А. И. Комеча. Правда, там заглубленные своды возникли в результате конструктивной необходимости, вызванной шириной галерей, перекрытия которых потребовали нетрадиционного повышения сводов основного объема. В результате они поднялись на высоту более 10 м от пола храма⁹⁸, нарушив «академические» принципы киево-византийского строительства. Этот прием был воспринят уже в Никольском соборе, но по-своему трансформирован в Антониевском и развит новгородскими зодчими последующих поколений, для которых Рождественский храм являлся образцом коренной традиции⁹⁹.

Одним из существенных ее элементов были романские черты, которые А. И. Комеч находит в необычной протяженности пространства, выраженно-го в несколько вытянутом по оси север–юг подкупольном квадрате, в форме восьмигранных столбов, в использовании утолщенных каменных плит в пятах арок, и (добавим от себя) в сооружении башни, использовавшейся по «латинскому» обычаю в качестве колокольни¹⁰⁰. Но, как уточняет исследователь, романскими скорее являются только «облачения» приемов. Тем не менее западные заимствования, обогащая киево-византийский опыт и отвечая практическим потребностям местного строительства, приходится по вкусу новгородским зодчим.

В полной мере он отразился и в убранстве храма, в котором изначально было всё необходимое для отправления службы. Сохранилась исполненная в 1125 г.

значительная часть росписи, романские черты которой выступают в данном случае не столько внешним заимствованием, сколько проявлением собственных, местных эстетических представлений, воспитанных на привычной открытости к восприятию западных источников, обозначившихся еще во времена Владимира Мономаха и Мстислава. Вместе с тем художественное начало антониевских фресок определено киево-византийской традицией, и важнейшим примером для сравнения служат мозаики и фрески Михаило-Златоверхого монастыря, выполненные не позднее 1108 г.¹⁰¹

Антониев монастырь был первым каменным монастырем в Новгороде. До него, если верить преданию, существовали деревянные обители, среди которых Юрьев, основанный еще при Ярославе Мудром, Рождественский на Пырьне, о котором известно из надписи на церковном столбе¹⁰², Десятинный, созданный «для себя» епископом Иоакимом одновременно с деревянной Софией¹⁰³, Лазарев в Неревском конце, в котором уже в конце XI в. существовал скрипторий, о чем свидетельствуют написанные там служебные Минеи, Триодь Цветная, Стихирарь и Милятино Евангелие (XI — начала XII в.)¹⁰⁴. В грамоте Изяслава Мстиславича (1130–1134) говорится о существовавшем к тому времени Пантелеймоновом монастыре¹⁰⁵. В 1136 г. сгорел Воскресенский монастырь на Мячине¹⁰⁶. В Варваринном монастыре уже в 1138 г. скрывалась семья изгнанного Святослава Ольговича¹⁰⁷. Вместе с первыми деревянными церквями: сгоревшей в пожаре 1105 г. церкви Ильи пророка на Славне¹⁰⁸, упомянутыми в клировых ведомостях церквями Спаса на Ильине улице (1103), Власия (1111)¹⁰⁹, существовавшей к 1130 г., и упомянутой в грамоте Изяслава Мстиславича церкви Образа Нерукотворного Спаса на Добрыне улице¹¹⁰ — они являются свидетелями продвижения христианской веры в Новгороде. Среди этих сооружений большую часть составляют монастыри, имевшие необходимые для того времени деревянные укрепления.

В 1119 г., после завершения Антониевского Рождественского собора, князь Всеволод Мстиславич с игуменом Кириаком закладывают в древнейшем Юрьевом монастыре грандиозный каменный Георгиевский собор¹¹¹, строительство которого свидетельствовало о жизнелюбии княжеской традиции в новгородском зодчестве. Одним из его поводов могло быть противопоставление двух обителей, старой княжеской, основанной по преданию еще Ярославом Мудрым, и новой, созданной не именитым, но богатым человеком, возможно, коренным новгородцем, торговавшим за морем купцом Антонием. Георгиевский собор Юрьева монастыря стал воплощением мечты зодчего Петра¹¹², и, по определению А. И. Комеча, «является... воплощением типа княжеского храма»¹¹³. Светлое, свободное пространство храма, обозреваемое сквозь нефы от нартекса до алтаря, составляет его архитектурное существо, противопоставленное сумрачным вертикалям Софийского и монашеского Антониевского соборов. В перспективных гармониях Георгиевского собора, основанных на математически точном чертеже, оживает идея, уходящая от стихийной

космогонии Софийского собора. И возникает ясная в своей гениальной простоте архитектура, в которой зодчий через свой способ отбора и организации материала, исходя из традиционных основ и преодолевая их устойчивость, в стремлении к духовному покою находит средства для полного воплощения начального замысла. Он строит дом, где человек занимает предназначенное ему место между небесным и земным миром. Осознавая свою задачу не только в возведении красивого, прочного и долговечного здания, зодчий создает вневременное духовное пространство, в котором происходит невидимая и вечно длящаяся связь с божественным началом и в котором сохраняется память и постоянство человеческой души.

Строительство такого уникального произведения, как Георгиевский собор, не могло завершиться в один год. В древних летописях сообщается только дата закладки храма¹¹⁴. Время освящения Георгиевского собора в 1140 г., «на память святых апостол Петра и Павла» сообщала обнаруженная в соборе Н. М. Карамзиным настенная роспись, которая, вслед за Кратким летописцем церквам Божиим (Новгородской третьей летописью — НЗЛ), впервые называет имя зодчего Петра. В той же надписи сказано, что заложил храм князь Мстислав, а «совершил его великий князь Всеволод, сын Мстислав, Гавриил»¹¹⁵. В Кратком летописце среди освящавших храм названо имя князя Всеволода Ольговича¹¹⁶. Всеволод Мстиславич к тому времени умер (1138), но до 1136 г., когда в силу сложившихся обстоятельств был изгнан из Новгорода, он мог вникать в строительные проблемы. Всеволод Ольгович никогда не правил в Новгороде, но после изгнания Всеволода новгородский престол занял его брат Святослав, княживший в 1136–1141 гг.¹¹⁷ То есть он мог участвовать в завершении храма. Тем не менее, несмотря на противоречивые сведения летописей и «юрьевской надписи», дата освящения каменного храма в 1140 г. должна быть принята. Затянувшееся на двадцать лет созидание церкви «о трех версах»¹¹⁸ не противоречит практике возведения таких больших и конструктивно сложных сооружений, каким является Георгиевский собор.

В истории этого храма, возможно, участвовала и дочь Мстислава Владимировича, сестра старших Мономаховичей и супруга Всеволода Ольговича. Найденная на Городище печать¹¹⁹ свидетельствует об имевшихся отношениях княгини с Новгородом. В. Л. Янин, описывая буллу княгини, обращает внимание на созданное по образцу византийских моливдовулов поясное изображение царицы в орнаменте с оплечьем, в венце, украшенном нитями жемчуга, полагая, что на печати изображена сама княгиня¹²⁰. Подобный величественный образ характеризует и личность княгини, игравшей главенствующую роль в своей семье. Не исключено, что именно она была заказчицей росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря, созданной по существу в родовом храме в память о супруге, отце и братьях. По сторонам от лестничного входа в купольную часть соборной башни сохранился святительский чин, представ-

лявший собой часть живописного оформления этой части храма¹²¹. Среди избранных трех лиц в композиции чина изображен Кирилл Александрийский, святой покровитель Всеволода Ольговича. Монументальный стиль росписи близок фрескам Кирилловской церкви в Киеве¹²² и свидетельствует о работе приезжих мастеров.

В 1127–1130 гг. рядом с Ярославовым дворцом князь Всеволод Мстиславич возводит церковь Рождества Иоанна Предтечи на Петрятине дворе «во имя сына своего»¹²³. Это его творение обращено к окружающему миру, связанному с жизнью делового человека.

В 1184 г. храм был разрушен до фундаментов, на которых возвели новое здание с использованием старых строительных материалов¹²⁴. По этой причине суждение о формах первоначального храма может быть весьма приблизительно. Речь может идти лишь о совпадении планов с Никольским собором без учета передвинутой на 1,4 м и сооруженной на новом фундаменте западной стены, за счет чего увеличилось пространство нартекса, где хранились товары, «скалвы» и «локоть иванский». Первоначально, видимо, также внутри одного из западных членений нартекса находилась башня с ходом на хоры¹²⁵. После реконструкции 1184 г. ход на хоры осуществлялся уже по характерной для того времени внутрискладной лестнице¹²⁶. Т. В. Гладенко предполагала, что первоначально храм был трех- или пятиглавым¹²⁷.

Топографические определения церкви Иоанна Предтечи могут служить свидетельствами его истории. Первое его название — «на Петрятинном дворе» — указывает, что храм занял частную (пустовавшую к тому времени?) территорию горожанина¹²⁸. Название «на Опоках» связано с местом построения храма — на омываемых водой, выходявших на берег грядках камней¹²⁹. Но в источниках оно встречается редко, впервые в Семисоборной росписи Новгорода конца XV — начала XVI в.¹³⁰, а затем НІВЛ под 1539 г.¹³¹

В 1184 г. в связи с обновлением храма, предпринятым архиепископом Ильею (Иоанном) с братом, появляется название «на Торговище», реже «на Торгу»¹³², связанное не только с расположением храма вблизи Торга, но и с тем значением, которое собор имел в жизни города. Согласно Церковному уставу князя Всеволода, объединенная вокруг церкви купеческая корпорация получала часть пошлины от взвешивания воска. В притворе храма (в нартексе)¹³³ содержались эталоны веса и длины, контроль над которыми, как и осуществление «торгового суда», было также возложено на Иванское купечество. В церкви хранилась казна корпорации, а в подцерковье располагался склад товаров¹³⁴. По мнению В. Л. Янина, основные положения устава относятся уже ко времени князя Всеволода Мстиславича (1219–1221)¹³⁵.

Дискуссия по этой теме продолжается до сих пор. Но среди аргументов, приводимых сторонами, не ставится вопрос о самой церкви, объединившей «Иванское сто». Между тем история храма, от первоначального облика которого сохранились лишь фундаменты и который перестраивался в течение нескольких

столетий, сохранив в своем облике черты архитектуры конца XII–XVII вв., может быть сравнима с историей исполненного анахронизмов «Рукописания князя Всеволода», также обновлявшегося в зависимости от требований времени и по ряду пунктов сохранявшего законодательную силу еще в XVII в., а доходы от весов прекратились только в начале XVIII в. И, может быть, начало Рукописания: «Се азъ князь великий Гавриил, нареченный Всеволод, самодержецъ, Мстиславецъ, внук Володимиров, властвующее всею Русскою землею и властию Новгородскою, и божиимъ благоволениемъ поставил есмь церковь святыи Иван Великий на Петрятине дворище...»¹³⁶ — является таким же единственным уцелевшим основанием древнего документа, как и фундамент построенной князем церкви?

Если все-таки допустить появление «Рукописания» около 1130-х гг., то тогда создание документа вполне отражает социальную обстановку своего времени, когда после десятилетнего, не вполне благоприятного правления Всеволод был вынужден ограничить свою власть в сфере распределения государственных доходов. В этой связи «Рукописание» кажется закономерным следствием формирования новых отношений во властных структурах, когда князь должен был уступить значительную часть обусловленных Мстиславом привилегий. Пошлины были даны попам святого Ивана и старостам иванским купеческим, которые должны были отдавать часть доходов владыке, архимандриту (это анахронизм, первоначально, возможно, игумену) Юрьева монастыря и игумену Антониева монастыря¹³⁷. Возможно, к этому времени относится формирование богатой купеческой сотни и устанавливается привилегированный порядок пожалований церковным иерархам.

Знаменательно также и то, что строительство церкви Иоанна Предтечи было возобновлено по инициативе архиепископа Иоанна. До сих пор он с трудом вел каменное строительство в собственном монастыре¹³⁸, и в том же 1184 г. «срубил» свою деревянную церковь Власия. Сооружение каменного храма на Торгу, вероятно, имело особое значение для утверждения прав владыки в торговых делах.

Что явилось причиной тотальной реконструкции последнего княжеского каменного храма, разрушившегося через 50 с небольшим лет, неизвестно. Возможно, произошла подвижка грунта, вызванная неудачным расположением здания. Но восстановлением его занимались архиепископ Илья (Иоанн) с братом Гавриилом, что, очевидно, свидетельствует об изменении статуса княжеского храма, переходившего теперь под юрисдикцию церковной власти. До сих пор новгородские владыки самостоятельно не строили подобных больших храмов, и событие 1184 г. имело социальное значение. Знаменательно и то, что в том же году был изгнан из Новгорода ставший негодным князь Ярослав Владимирович, и на престол, с согласия смоленского князя Давида, внука Ростислава, позвали смоленского князя Мстислава (1184 — осень 1187)¹³⁹.

Список сокращений

- АН СССР — Академия наук СССР
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
 ДРИ — Древнерусское искусство
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЗЛ — Новгородская третья летопись // Новгородские летописи (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летопись)
 НИС — Новгородский исторический сборник
 НЛ — Новгородские летописи: Издание Археографической комиссии. СПб., 1879
 НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950; переиздана: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3
 ПКНО — Памятники культуры: Новые открытия
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская летопись. СПб., 1926. М., 2000. Т. 1; Ипатьевская летопись. М., 2000. Т. 2; Новгородская четвертая летопись. М., 2000. Т. 4, Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004. Т. 43
 РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
 СНРПМ — Специальная научно-реставрационная производственная мастерская

¹ Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007; Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / Сост. и научн. ред. М. И. Мильчик. 2-е издание, испр. и доп. СПб., 2014.

² НПЛ. С. 16, 159–160, 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116–117.

³ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116–117.

⁴ НПЛ. С. 196; ПСРЛ. Т. 4. С. 131–132.

⁵ НПЛ. С. 191–196.

⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 137–142; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 78–94.

⁷ НПЛ. С. 19–24, 203–208.

⁸ Там же. С. 29, 216.

⁹ Там же. С. 30, 31, 34, 35, 37, 39, 41, 42, 223, 224, 226, 227, 230, 233.

¹⁰ Там же. С. 32, 36, 38, 40, 43, 44, 219, 225, 228, 229, 231, 234, 237.

¹¹ Там же. С. 50, 59, 247, 260.

¹² НПЛ. С. 19–20, 161, 200–204; ПСРЛ. Т. 4. С. 137–142.

¹³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Стб 217.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 346. *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 486–488; *Передольский В. С.* Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 230; *Носов Е. Н.*

- Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. С. 13–14; Сметный приходо-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 год // Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч. 2. С. 298; *Гордиенко Э. А.* Церковь Николая на Городище // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 525.
- ¹⁵ НПЛ. С. 19, 203; ПСРЛ. Т. 4. С. 140; *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 74.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 16. Стб 43; Т. 6. Стб 217.
- ¹⁷ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 88.
- ¹⁸ *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. С. 150–151, 154.
- ¹⁹ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 133.
- ²⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 64–135.
- ²¹ НПЛ. С. 19, 203.
- ²² *Каргер М. К.* Памятники древнего зодчества // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 79–85. См. также: *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 74; *Понов В. А.* Церковь Благовещения на Городище // Архитектурное наследие Великого Новгорода. С. 404–407.
- ²³ *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 23–25, 26–27. Табл. 4, 33, 5, 35.
- ²⁴ *Ивакин Г. Ю.* Раскопки Михайловского Златоверхого собора // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб., 1999. С. 38–42. См. также комментарий О. М. Ионнисяна к очерку Г. М. Штендера: *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 570.
- ²⁵ *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 570.
- ²⁶ *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 24. Рис. 4.
- ²⁷ НПЛ. С. 21, 100, 205, 357, 460; *Каргер М. К.* К вопросу об источниках летописных записей о деятельности Петра и Феофана Грека в Новгороде. М.; Л., 1958.
- ²⁸ *Лифшиц Л. И.* Росписи церкви Благовещения на Городище // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI — XII век. СПб., 2004. С. 97–109; *Царевская Т. Ю.* Каталог: Церковь Благовещения на Городище: Между 1109–1117 гг. (?) // Там же. С. 407–428.
- ²⁹ Подобная икона XIV в. впоследствии находилась в церкви Бориса и Глеба в Плотниках: *Гордиенко Э. А.* Новгородское «Благовещение» с Феодором Тироном // ДРИ: Зарубежные связи. М., 1975. С. 215–222.
- ³⁰ *Лисовой Н. Н.* К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 710–717.
- ³¹ Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 6; *Алексеев А. А.* 1) Мстиславово Евангелие // Великий Новгород: История и культура... С. 165; 2) Библия в богослужении: Византийско-славянский лекционный. СПб., 2008. С. 150.
- ³² *Стерлигова И. А.* Дробницы оклада Мстиславова Евангелия // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 150–154.
- ³³ *Ророва О.* Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. P. 14, 16, 18. Tabl. 4–6; *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // ДРИ: Рукописная книга. Сборник 3. М., 1983. С. 20, 22. Ил. на с. 13.
- ³⁴ НПЛ. С. 20, 204; *Крушельницкий Ю. Э.* Отчет об исследовании Николо-Дворищенского собора. Рукопись. Архив СНРПМ; Архитектура Новгорода. С. 186–189.
- ³⁵ НПЛ. С. 20, 204.
- ³⁶ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 78–94.
- ³⁷ *Гордиенко Э. А.* Никольский собор на Ярославовом дворике 1113 г. — памятник становления новгородской государственности // Новгородика-2012: Материалы 2-й Международной конференции. Великий Новгород, 2013. С. 100–109.
- ³⁸ *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. Очерки // Архитектурное на-

- следие Великого Новгорода. С. 572.
- ³⁹ Архитектура Новгорода. С. 188; *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 570.
- ⁴⁰ *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 571.
- ⁴¹ *Комеч А. И.* 1) Древнерусское зодчество. С. 299–305; 2) Композиция фасадов новгородских церквей XII–XIII вв. // ДРИ: Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 101–102; 3) Никольский собор на Ярославовом Дворище // Великий Новгород: История и культура. С. 494; *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 553.
- ⁴² Архитектура Новгорода. С. 188–189.
- ⁴³ *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 553.
- ⁴⁴ *Штендер Г. М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 211–212; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 59–60, 61–62. Рис. 30.
- ⁴⁵ Архитектура Новгорода. С. 186; *Дружинин В. А.* Николо-Дворищенский собор // Архитектурное наследие. С. 194.
- ⁴⁶ *Дружинин В. А.* Николо-Дворищенский собор. С. 196.
- ⁴⁷ Н.Л. С. 187–188; *Макарий, архим.* Археологическое описание. Ч. 1. С. 253; *Андреев В. Ф.* Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. Л., 1984, Вып. 2 (12). С. 114–126. Подобные дворцовые комплексы были распространены в XII в. в Германии: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. I. С. 332–334. Рис. 157; *Ионисян О. М.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // ДРИ: Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции: К 2000-летию христианства: Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой посвящается. М., 2005. С. 34–37.
- ⁴⁸ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 201–341.
- ⁴⁹ *Арицховский А. В.* Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. М.; Л., 1949. Т. I, № 11. С. 152–161, 166–168, 170. Рис. 1а, 9; *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 13. Рис. 3; *Андреев В. Ф.* Княжеский двор. С. 114–126; *Сорокин А. Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 32–35, 38–40, 46, 50–53.
- ⁵⁰ *Брунов Н. И.* О хорах в древнерусском зодчестве // Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. М., 1928. С. 93–97; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X–XII вв. М., 1987. С. 138, 183–184; *Ранпопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 34; *Штендер Г. М., Сивак С. И.* Архитектура интерьера Новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Византинороссика: Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды Санкт-Петербургского общества византийско-славянских исследований. СПб., 1995. Т. 1. С. 294–295.
- ⁵¹ *Беляев Д. Ф.* BYZANTINA: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Кн. II. С. 163–177.
- ⁵² *Заграевский С. В.* О предназначении полатей (хоров) в древнерусских храмах [Электронный ресурс]. <http://zagraevsky.com/polaty.htm>; *Гордиенко Э. А.* Хоры, нартексы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2017. Вып. 2 (в печати).
- ⁵³ *Беляев Д. Ф.* 1) Типик церкви св. Софии в Константинополе (XI в.). Экстраординарного профессора Императорского Новороссийского университета Н. Ф. Красносельцева. Одесса, 1892. С. 373; 2) BYZANTINA. Кн. II. С. 134–135; 3) Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X веках // ЗРАО. 1893. Т. VI. С. 139–140, 173–174.
- ⁵⁴ *Карпов А. Ю.* Великий Владимир Мономах. С. 75, 83–84.
- ⁵⁵ *Дружинин В. А.* Николо-Дворищенский собор. С. 194.
- ⁵⁶ НПЛ. С. 24, 209.

- ⁵⁷ *Царевская Т. Ю.* Каталог: Никольско-Дворищенский собор: Около 1118 г. (?) // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись... С. 440.
- ⁵⁸ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 20–21, 32–33, 45. Табл. 5, 30, 32; 6, 63.
- ⁵⁹ НПЛ. С. 19; ПСРЛ. Т. 1. Стб 237–240; Т. 2. Стб 227–230; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. С. 2–3.
- ⁶⁰ *Штендер Г. М.* К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологических исследований северо-западной части здания) // Реставрации и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. 19, 21; *Янин В. Л.* Некрополь новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 155–157.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб 264–273.
- ⁶² НПЛ. С. 20, 203.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Карпов А. Ю.* Великий Владимир Мономах. С. 34.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб 267.
- ⁶⁶ *Карпов А. Ю.* Великий Владимир Мономах. С. 33.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб 265–273.
- ⁶⁸ Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 78, 182–183; *Карпов А. Ю.* Великий Владимир Мономах. С. 34.
- ⁶⁹ 1105 — поход на Ладогу; 1111 — на Очелу; 1113 — Чудь на Бору; 1116 — взятие Медвежьей Головы // НПЛ. С. 19, 20, 203, 204.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб 274–277; *Карпов А. Ю.* Великий Владимир Мономах. С. 68.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб 276–277.
- ⁷² Если не принимать во внимание деревянную церковь Николы на Городище, возможно, старейшую среди русских Никольских храмов.
- ⁷³ *Мурьянов М. Ф.* Русско-византийские церковные противоречия в конце XI века // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России: Очерки. СПб., 2007. С. 101–102; *Гордиенко Э. А.* Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 82–97.
- ⁷⁴ *Гордиенко Э. А.* Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске.
- ⁷⁵ *Лифшиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода в истории древнерусского искусства XI — первой четверти XII в.: Фрески Николо-Дворищенского собора // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись. С. 109–141; *Царевская Т. Ю.* Каталог: Николо-Дворищенский собор // Там же. С. 429–530.
- ⁷⁶ НПЛ. С. 20–23, 204–210.
- ⁷⁷ *Красносельцев Н.* Очерки из истории христианского храма. 1881. Вып. 1. С. 319–322; *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 3–29.
- ⁷⁸ НПЛ. С. 20, 204; ПСРЛ. Т. 4. С. 142, 584; *Булжин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // ДРИ: Русь и страны Византийского мира XII в. СПб., 2002. С. 270–288; *Филитова Л. А., Кузьмина Н. Н.* 1) Церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2005; 2) Церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице // Великий Новгород: История и культура. С. 215–216; Архитектурное наследие Великого Новгорода. С. 176–179.
- ⁷⁹ Фрагменты улиц были исследованы С. Н. Орловым в период строительных работ 1950-х гг.: *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X–XVI вв. // Архитектура Новгорода. С. 264–285.
- ⁸⁰ НПЛ. С. 17, 186.
- ⁸¹ *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // СА. 1974. Вып. 3. С. 103.
- ⁸² *Гордиенко Э. А.* «Где был Поромонь двор?» С. 30–40.
- ⁸³ НПЛ. С. 64, 268; *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца. С. 253–259. Рис. 5, 3.

- ⁸⁴ О функциональном назначении отдельных частей храма см.: *Гордиенко Э. А.* Хоры, нартексы, крещальни и приделы в системе богослужения и обихода православного храма // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* М., 2017. Вып. (в печати).
- ⁸⁵ Об освящении возобновленного храма: ПСРЛ. Т. 4. С. 618.
- ⁸⁶ *Штендер Г. М.* О ранних Федоровских храмах Новгорода // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 435–444. Рис. на с. 438.
- ⁸⁷ *Кузьмина Н. Н., Филитова Л. А.* 1) Церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2005; 2) Архитектурное наследие Великого Новгорода. С. 176–179.
- ⁸⁸ *Булкин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // ДРИ. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 285.
- ⁸⁹ *Булкин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. С. 287.
- ⁹⁰ НПЛ. С. 20–22, 27–28, 204, 205, 207.
- ⁹¹ Духовная грамота Антония Римлянина. 1110–1131 гг.: ГВНП. № 103; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 206–207. № 122.
- ⁹² *Комеч А. И.* 1) Два направления в новгородской архитектуре XII в. // *Средневековое искусство: Русь. Грузия.* М., 1979. С. 60–62; 2) Древнерусское зодчество. С. 310.
- ⁹³ *Ковалева В. М., Штендер Г. М.* О формировании древнего архитектурного облика Рождественского собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 54–60.
- ⁹⁴ НПЛ. С. 21, 206; *Штендер Г. М.* Архитектура Новгородской земли XI–XIII веков. С. 10.
- ⁹⁵ О сенях как о верхней части строения см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. № 380. С. 371–373, 378–379; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Период первый: Киевский или домонгольский: Вторая половина тома. М., 1881. С. 583–584; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб 895–896, 897–898; *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 178, 182–184, 198–200.
- ⁹⁶ *Штендер Г. М.* 1) Архитектура Новгородской земли XI–XIII веков; 2) Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. Очерки // *Архитектурное наследие Великого Новгорода.* С. 572.
- ⁹⁷ *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество. С. 311.
- ⁹⁸ Там же. С. 239–244.
- ⁹⁹ *Ранпопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 200–201.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 310–311.
- ¹⁰¹ Литературу и дискуссии по этому вопросу см.: *Лазарев В. Н.* 1) Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 25–26. Табл. 5, а–б; 6, а–б; 2) Древнерусские мозаики и фрески. XI–XV вв. М., 1973. С. 4142. Ил. 181–186; *Гордиенко Э. А.* 1) Византийские источники в росписи Рождественского собора в Антониевом монастыре // Доклад на конференции 1971 г. Новгород, 1971 // Научный архив НГОМЗ: Стенограмма; 2) Росписи 1125 г. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // ПКНО. 1974. М., 1975. С. 197–204; 3) Новгородская станковая живопись XI–XV веков в собрании Новгородского музея-заповедника: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1978. С. 12; *Сарабьянов В. Д.* 1) Стилистические основы фресок Антониева монастыря // ДРИ. М., 1997. С. 56–81; 2) Новые открытия в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // ПКНО. 1998. М., 1999. С. 199–216. См. также очерк в настоящей книге: Самобытные основы новгородского искусства в росписи собора Рождества Богородицы в Антониевом монастыре (1125 г.) и росписи церкви Спаса на Нередице (1199 г.).
- ¹⁰² *Макарий, архим.* Археологическое описание. Ч. 1. С. 404, 424–425.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. 16. Стб 40.
- ¹⁰⁴ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 7–9, 40–43, 49, 168; *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий XI–XII вв.

- Лазарев монастырь // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 159–170.
- ¹⁰⁵ Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 146–158.
- ¹⁰⁶ НПЛ. С. 24, 209.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 25, 210–211.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 19, 203.
- ¹⁰⁹ Макарий, архим. Археологическое описание. С. 301.
- ¹¹⁰ Янин В. Л. Из истории землевладения. С. 147.
- ¹¹¹ НПЛ. С. 21, 205.
- ¹¹² Грабарь И. Древнейшие храмы Новгорода // Грабарь И. История русского искусства. М., б.г. Т. 1. С. 177–180; Некрасов А. И. Великий Новгород. М., 1924. С. 23; Каргер М. К. Памятники древнего зодчества // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 79–85; Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961; Комеч А. И. Древнерусское зодчество. 299.
- ¹¹³ Комеч А. И. Древнерусское зодчество. С. 305.
- ¹¹⁴ НПЛ. С. 21, 205; ПСРЛ. Т. 4. С. 143; Т. 16. Стб 43.
- ¹¹⁵ НЗЛ. С. 189.
- ¹¹⁶ Издатели НЗЛ исправили запись 1119 г., восстановив по Толстовскому списку (РНБ. Q.IV. № 78) имя донатора князя Всеволода сына Мстислава: Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 110.
- ¹¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1971. Т. 1. С. 91.
- ¹¹⁸ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. С. 109–110.
- ¹¹⁹ Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 71, 189–190. Табл. 11, 44. № 116, 1.
- ¹²⁰ Там же. С. 71, 189–190. № 116.
- ¹²¹ Сарабьянов В. Д. 1) Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // ДРИ: Русь и страны византийского мира. XII в. М., 1997; 2) Фрески XII в. в основном объеме Георгиевского собора Юрьева монастыря // ПКНО 97. М., 1998. С. 232–239.
- ¹²² The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era A. D. 843–1261 / Ed. by H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 287; Марголина И. Е. Фрески алтаря киевской Кирилловской церкви. С. 225–231.
- ¹²³ НПЛ. С. 21, 22, 206.
- ¹²⁴ Там же. С. 37, 228.
- ¹²⁵ Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. С. 556–557; Архитектурное наследие Великого Новгорода. С. 204–206.
- ¹²⁶ Архитектурное наследие Великого Новгорода. Ил. на с. 205.
- ¹²⁷ Там же. С. 205.
- ¹²⁸ Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 191.
- ¹²⁹ О стратиграфии территории, ее историческом развитии см.: Петрова Л. И. «...Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовется на Опоках»: О связи микротопонимии Новгорода с древним рельефом // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 187–193.
- ¹³⁰ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 113.
- ¹³¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 616–617.
- ¹³² НПЛ. С. 37, 228.
- ¹³³ Там же. С. 508 (Рукописаник князя Всеволода. Приложение 2-е за Комиссионным списком), 569 (Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви Св. Иоанна Предтечи на Опоках. Приложение третье по Троицкому списку).
- ¹³⁴ Мусин А. Е. Иванское сто // Великий Новгород. История и культура. С. 188–189. См. библиографию по вопросу там же.

- ¹³⁵ Янин В. Л. К вопросу о хронологии «Устава Всеволода» // Новгородские посадники. М., 2003. С. 121–135.
- ¹³⁶ НПЛ. С. 508.
- ¹³⁷ Янин В. Л. К вопросу о хронологии «Устава Всеволода». С. 122–123.
- ¹³⁸ ПСРЛ. Т. 42. С. 76 (6678), 77 (6687); Дмитриев Л. А. 1) Житийные повести Русского Севера... С. 169–177; 2) Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 267–268.
- ¹³⁹ Там же. С. 37–39, 228.

References / Список литературы

- Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. [Azbelev S. N. Novgorodian Chronicles of the 17th century. Novgorod, 1960].
- Алексеев А. А. Библия в богослужении: Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008. [Alekseyev A. A. Bible in worship: Byzantine-Slavic Lectionary. SPb., 2008].
- Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // СА. 1974. Вып. 3. [Aleshkovsky M. H. Social bases of formation of the territory of Novgorod in IX–XV centuries // SA. 1974. Iss. 3].
- Андреев В. Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 114–126. [Andreev V. F. The Prince's Court in ancient Novgorod // NIS. Leningrad, 1984. Iss. 2].
- Апракос Мстислава Великого. М., 1983. [Aprakos Mstislav the Great. Moscow, 1983].
- Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. М.; Л., 1949. Т. I. [Artsikhovskiy A. V. Excavations of the Eastern Dvorishhe in Novgorod // MIA. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. I].
- Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. Moscow, 1961.
- Беляев Д. Ф. BYZANTINA: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Кн. II. [Belyaev D. F. BYZANTINA: Essays, materials and notes on Byzantine Antiquities. Saint Petersburg, 1893. Vol. II].
- Брунов Н. И. О хорах в древнерусском зодчестве // Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. М., 1928. С. 93–97. [Brunow N. I. The choirs in ancient Russian architecture // Proceedings of the section of theory and methodology (sociological) RANION. Moscow, 1928].
- Булкин В. А. Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // ДРИ: Русь и страны Византийского мира XII в. СПб., 2002. С. 270–288. [Bulkin V. A. Novgorod architecture of the beginning of the 12th century on new archaeological materials // DRI: Russia and the countries of the Byzantine world of the 12th century. Saint Petersburg, 2002].
- Ворониц Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Moscow, 1961. Vol. I. [Voronin N. N. The Architecture of North-Eastern Russia of the XII–XV centuries. M., 1961].
- Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. [Galicia-Volyn Chronicle: Text. Comment. Research / Compl. N. A. Kotlyar and V. Y. Franchuk; AGG; ed. and comment. N. A. Kotlyar. Saint Petersburg, 2005].
- The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era A. D. 843–1261 / Ed. by H. C. Evans and W. D. Wixon. New York, 1997.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Период первый: Киевский или домонгольский: Вторая половина тома. М., 1881. [Golubinsky E. E. The history of Russian church. Vol. 1. The first period: Kiev or before: The second half of the volume. Moscow, 1881].
- Гордиенко Э. А. Росписи 1125 г. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // ПКНО. 1974. М., 1975. С. 197–204. [Gordienko E. A. Mural 1125 in the Virgin Nativity Cathedral in Antoniev monastery in Novgorod // PKNV. Moscow, 1975].
- Гордиенко Э. А. «Где был Поромонь двор?» // ВИД. СПб., 2016. Вып. 35. С. 30–40. [Gordienko E. A. «Where was the Poromon's yard?» // VID. Saint Petersburg, 2016. Iss. 35].
- Гордиенко Э. А. Никольский собор на Ярославовом дворище 1113 г. — памятник становления новгородской государственности // Новгородика-2012: Материалы 2-й Международной конференции.

Великий Новгород, 2013. С. 100–109. [Gordienko E. A. The Nikolsky Cathedral in Jaroslav's Court 1113 — the monument of the formation of the Novgorod statehood // Novgorodika-2012: Transactions of the 2nd International Conference. Veliky Novgorod, 2013].

Гордиенко Э. А. Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 82–97. [Gordienko E. A. Novgorodian icons of St. Nikolas on a circular board // NIS. Saint Petersburg, 2008. Iss. 11 (21)].

Гордиенко Э. А. Новгородское «Благовещение» с Феодором Тироном // ДРИ: Зарубежные связи. М., 1975. С. 215–222. [Gordienko E. A. Novgorodian «Annunciation» with Thyodor Tironon // DRI: Foreign ties. Moscow, 1975].

Гордиенко Э. А. Хоры, нартексы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2017. Вып. 2. (в печати). [Gordienko E. A. Choirs, narteksts, the baptisteries and the side chapels in the system of worship and everyday life of the Orthodox Church. In print].

Гордиенко Э. А. Церковь Николы на Городище // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. [Gordienko E. A. Church of St. Nikolas on the Jaroslav settlement].

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1. [Ivakin G. Y. Excavations of St. Michel's Zlatoverch Cathedral // The medieval architecture and monumental art. Saint Petersburg, 1999].

Ионнисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // ДРИ: Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции: К 2000-летию христианства: Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой посвящается. М., 2005. С. 34–37. [Ionnisjan O. M. Romanesque origins of the architecture Vladimir-Suzdal Rus' in time Andrei Bogolyubsky (Germany or Italy?) // DRI: The Byzantine world: Art of Constantinople and national traditions: To 2000 years of Christianity: In memory of Olga Ilinichna Podobedova devotion. Moscow, 2005].

Каргер М. К. Памятники древнего зодчества // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 79–85. [Karger M. K. Monuments of the ancient architecture // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. 1970. N 9].

Ковалева В. М., Штендер Г. М. О формировании древнего архитектурного облика Рождественского собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 54–60. [Kovaleva V. M., Stender G. M. On the formation of the ancient architectural appearance of the Nativity Cathedral in Antoniev monastery in Novgorod // KSIА. 1982. Iss. 171].

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X–XII вв. М., 1987. [Komech A. I. The old Russian architecture at the end of the 10th — early 12th centuries. Moscow, 1987].

Комеч А. И. Композиция фасадов новгородских церквей XII–XIII вв. // ДРИ: Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 101–102. [Komech A. I. The composition of the facades of the novgorodian churches of the 12th–13th centuries // DRI: The art culture of the 10th — first half of the 13th century. Moscow, 1988].

Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. [Lazarev V. N. Art of Novgorod. Moscow; Leningrad, 1947].

Лисовой Н. Н. К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 710–717. [Lisovoy N. N. To dating of Mstislav Gospel // Mstislav Gospel of the 12th century: Researches. Moscow, 1997].

Лифшиц Л. И. Росписи церкви Благовещения на Городище // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI — XII века. СПб., 2004. С. 97–109. [Lifshitz L. I. The Painting of the Annunciation Church on the Gorodishe // Lifshitz L. I., Sarabyanov V. D., Tsarevskaya T. Y. Monumental painting of Veliky Novgorod: The End of the 11th — 12th century. Saint Petersburg, 2004].

Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, М., 1860. Ч. 1. [Macarius, arhim. Archaeological description of ecclesiastical antiquities in Novgorod and its surroundings, M., 1860. Part 1].

Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. [Medynceva A. A. Ancient inscriptions in Novgorod Saint Sophia Cathedral of the 11th–14th centuries. Moscow, 1978].

Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России: Очерки. СПб., 2007. [Mur'janov M. F. Russo-Byzantine Church controversies at the end of the 11th century // Mur'janov M. F. History Book of Russian culture: Essays. Saint Petersburg, 2007].

Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. [Nicholsky K. Manual to study the Statute worship of the Orthodox Church. Saint Petersburg, 1907].

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. [Nosov E. N. Novgorod (Rjurikovo) Gorodoshe. Leningrad, 1990].

Порова О. Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975.

Попова О. С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // ДРИ: Рукописная книга. Сборник 3. М., 1983. [Pорова О. Russian book miniature of 11th–15th centuries // DRI: Handwritten book. Iss. 3. Moscow, 1983].

Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. [Pentkovskij A. M. Tyrikon be Patriarch Alexy Studitos in Byzantium and Russia. Moscow, 2001].

Передольский В. С. Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. [Peredolsky V. S. Novgorodian Antiquity: The Note for local explorations. Novgorod, 1898].

Петрова Л. И. «...Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовется на Опоках»: О связи микротопонимии Новгород с древним рельефом // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 187–193. [Petrova L. I. «...St. John the Baptist at Petryatine yard, now called the Опоку»: About connection of the mikrotoponimi with the ancient Novgorod relief // Velikiy Novgorod in the history of medieval Europe. To 70-years of Valentin Lavrent'evich Yanin. Moscow, 1999].

Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. [Sorokin A. N. The accomplishment of ancient Novgorod. Moscow, 1995].

Стерлигова И. А. Дробницы оклада Мстислава Евангелия // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 150–154. [Sterligova I. A. The sections of the silver bairding of the Mstislav Gospel // Decorative and applied arts of Veliky Novgorod: Art metal of the 11th–15th centuries. Moscow, 1996].

Царевская Т. Ю. Каталог: Церковь Благовещения на Городище: Между 1109–1117 гг. (?) // Лифшиц Л. И., Сарабянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. СПб., 2004. С. 407–428. [Tsarevskaya T. Yu. The Church of the Annunciation on the Gorodoche between 1109–1117 Gg. (?) // Lifshitz L. I., Sarabyanov V. D., Tsarevskaya T. Yu. Monumental painting... Saint Petersburg, 2004].

Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. Очерки // Архитектурное наследие Великого Новгорода. [Stender G. M. The Architecture of Veliky Novgorod of the 11th–13th centuries // Architectural heritage of Great Novgorod. Essays].

Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974. [Stender G. M. To the question of the decorative features of the building techniques of the Novgorod Sophia // Culture of medieval Russia. Leningrad, 1974].

Штендер Г. М., Сивак С. И. Архитектура интерьера Новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Византинороссика: Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды Санкт-Петербургского общества византийско-славянских исследований. СПб., 1995. Т. 1. [Stender G. M., Sivak S. I. The architecture of the interiors of the Novgorod Saint Sophia Cathedral and some aspects of services // Vizantinorossika: Liturgy, architecture and art of the Byzantine world: Transactions of the St Petersburg Society of Byzantine-Slavic Studies. Saint Petersburg, 1995. Vol. 1].

Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. [Yanin V. L. The Necropolis of the Novgorod Sophia Cathedra: Church tradition and historical criticism. Moscow, 1988].

Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. [Yanin V. L. «Semisobornaja opis» of Novgorod // Medieval Russia. Moscow, 1976].

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. [Yanin V. L. The official seals of the ancient Russia in the 10th–15th centuries: In 2 vols. Moscow, 1970. Vol. 1].

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. [Yanin V. L. Novgorodian posadniki. Moscow, 2003].

Янин В. Л. Новгородский скрипторий XI–XII вв. Лазарев монастырь // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 159–170. [Yanin V. L. Novgorodskij Scriptorium 11th–12th centuries: Lazarev monastery // Yanin V. L. Medieval Novgorod: Essays on the archaeology and history. Moscow, 2004].

Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. [Yanin V. L. Medieval Novgorod: Essays on the archaeology and history. Moscow, 2004].

**Э. А. Гордиенко. Новгородское храмовое зодчество
конца XI — начала XII в. в контексте социальных отношений**

С конца XI и до начала XIII в. новгородская архитектура прошла путь от величественных княжеских и монастырских соборов до четырехстолпной приходской церкви. В этом развитии отражена нерасторжимая связь в отношениях мира, человека и зодчества, в котором архитектурное наследие выступает важнейшим и достоверным источником, явлением общего исторического процесса. В каменном олицетворении слова сотворенное зодчим и донатором здание предстает овеществленным символом, в котором раскрываются причины, начало и последовательное завершение замысла. Неисчерпаемый фонд источников, обширная библиография составляют основу исследования, позволяя раскрыть новый аспект в изучении одной из важнейших исторических тем.

Ключевые слова: Великий Новгород, архитектура, XI–XIII вв.

**E. A. Gordienko. Novgorod Church architecture of the end
of 11th — beginning of 12th century in the context of social relations**

From the end of the 11th and to the beginning of the 13th century Novgorod architecture had gone the way from the majestic prince and monastic cathedrals to fourpilars parish church. In this development there was defined inseparable link in the relations of world, man and building, where the architectural heritage was vital and reliable source, a phenomenon of common historic process. In stone embodiment of the words the building appears as a substances symbol, in which there reveal motives, outset, and consistent conclusion of the design. Inexhaustible fund of sources, extensive bibliography form the basis of the study, allowing opening a new aspect in exploring one of the most important historical themes.

Key words: Novgorod, 11th–13th centuries, architecture.

Гордиенко, Эллиса Алексеевна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Новгородская группа Санкт-Петербургского института истории РАН.

Gordienko, Ellisa Alekseevna, Dr. of Sciences (History), major scientist, Novgorodian group of St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: elisaspb@mail.ru